

DOI: 10.31857/S086904990017875-4

Оригинальная статья / Original Article

Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере

© М.В.СОЛЯНОВА

Солянова Мария Викторовна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), solyanova.maria@gmail.com

Пандемия COVID-19, механизмы реагирования на нее и разработка ответных мер стали предметом многих исследований. Одновременно очевиднее становится тот факт, что актуальность приобретает не только изучение экономической политики и решений, которые принимает правительство в данной сфере в связи с пандемией. Пока заболевание продолжает распространяться, в канадском обществе обнажаются социальные проблемы и трудности, с которыми политическим элитам придется работать и решать их.

Несмотря на то, что правительство приняло беспрецедентные меры по расширению помощи и социальной защиты наиболее уязвимым группам – семьям с низкими доходами, женщинам, пожилым гражданам, молодым людям и детям, низкоквалифицированным работникам, самозанятым, людям с ограниченными возможностями и т.д. – пандемия, тем не менее, оказала глубокое воздействие на жизнь общества. И правительство будет вынуждено адаптировать свою политику в сфере социальной защиты и трудовых отношений, в области здравоохранения и образования. Данная статья исследует ключевые социальные аспекты пандемии COVID-19, а также факторы, которые могут оказать воздействие на политические решения канадской элиты в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Канада, пандемия, COVID-19, социальные риски, социальная политика

Цитирование: Солянова М.В. (2021) Пандемия COVID-19: ключевые факторы развития политики Канады в социальной сфере // Общественные науки и современность. № 6. С. 73–90. DOI: 10.31857/S086904990017875-4

The COVID-19 Pandemic: Key Factors in Canada's Social Policy Development

© M. SOLYANOVA

Maria V. Solyanova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), solyanova.maria@gmail.com

Abstract. Many studies focus on the COVID-19 pandemic, response mechanisms and response design. At the same time, it becomes more and more obvious that not only the study of economic policy and decisions made by the government in connection with the pandemic is acquiring relevance. As the spread of the disease continues, social problems and difficulties that political elites will have to deal with are exposed in Canadian society. Despite the fact that the government has taken unprecedented measures to expand assistance and social protection to the most vulnerable groups – low-income families, women, senior citizens, young people and children, low-skilled workers, self-employed, people with disabilities, etc. – the pandemic, however, has had a profound impact on society. The government will be forced to adapt its policies in the field of social protection and labor relations, in the field of health and education. This article seeks to explore the key social dimensions of the COVID-19 pandemic, as well as factors that can influence the political decisions of the Canadian elite in the near future.

Keywords: Canada, pandemic, COVID-19, social risks, social policy

Citation Solyanova M. (2021) COVID-19 Pandemic: Key Factors in Canada's Social Policy Development. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 73–90. DOI: 10.31857/S086904990017875-4 (In Russ.)

«COVID-19 сравнивают с рентгеновским лучом,
обнаруживающим трещины в хрупком скелете обществ,
которые мы построили»
– генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 застала врасплох мировые правительства, стала угрозой физическому и психологическому здоровью граждан, стабильности и устойчивому развитию политических систем. Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 еще продолжается, однако уже можно предварительно проанализировать эффективность государственного управления в период пандемии. Ключевыми факторами стали существующая система нормативно-правового регулирования, готовность системы общественного здравоохранения и государственного менеджмента, продуктивность политических решений правительства.

Политическая элита часто была вынуждена принимать непопулярные решения и искать компромисс между безопасностью в области общественного здравоохранения и социально-экономическими потребностями населения. Решения в сфере здравоохранения переходили в политическую плоскость, что возложило дополнительную ответственность на лиц, которые их принимают. Таким образом, речь уже идет не только о разработке политики для обеспечения общественного здоровья. На примере Канады можно наблюдать, что все решения в экономической и социальной сферах имеют политические последствия, скажутся на рейтингах одобрения представителей власти и приводят к обсуждению необходимости реформ в различных сферах системы управления в государстве, а также пересмотра межведомственного, межправительственного и межрегионального взаимодействия.

На долгосрочную перспективу приобретает актуальность страновое исследование не только экономических проблем, которые возникли в связи с пандемией и различными ограничительными мерами, введенными на федеральном и провинциальном уровнях. Важность приобретают связанные с ними гуманитарные и социальные аспекты жизни общества, которые значительно влияют на качество жизни общества, решения правительства – и будут иметь политические последствия для элит.

В сентябре 2020 г. ООН опубликовала доклад, который включал в себя всеобъемлющий план действий по реагированию на пандемию COVID-19 [Комплексное реагирование системы... 2020]. Одной из задач в документе стало «преодоление серьезного и укоренившегося неравенства, которое проявилось в результате пандемии». В докладе говорится, в каких направлениях должны действовать национальные правительства, чтобы преодолеть кризис (обеспечение продовольственной безопасности; социально-экономическая защита беженцев, мигрантов, перемещенных лиц и других незащищенных групп, в том числе от насилия, дискриминации, ксенофобии, расизма и стигматизации; поддержание психического здоровья населения и др.). Также в нем выделены отдельные группы граждан, наиболее подверженные рискам в социальном плане – инвалиды, пожилые люди, дети и молодежь, женщины. Для Канады документ актуален, поскольку многие из обозначенных рисков, ранее не характерные для общества данного государства, отчетливо проявились в результате кризиса и стали предметом исследования в Канаде и России.

Обострение социальных рисков в Канаде

Со второй половины XX в. обеспечение социальной защищенности граждан стало одной из основных политических стратегий правительства Канады. Существуют разнообразные программы поддержки отдельных групп населения – детей и молодежи, пожилых граждан, людей с ограниченными возможностями, коренных народов, а также планы сокращения бедности и решения проблемы бездомности посредством предоставления прямой финансовой поддержки канадским общинам.

Так, в 2016 г. власти ввели программу консультаций, благодаря которой в 2018 г. была создана первая Стратегия сокращения бедности в Канаде («Возможность для всех»). В рамках данной инициативы правительство инвестировало 22 млрд долл. на улучшение социально-экономического положения населения (в том числе молодежи и пожилых граждан, представителей коренных народов), а также на развитие сфер здравоохранения, транспорта, жилья, образования, занятости и повышения квалификации. Принятые меры должны были способствовать снижению уровня бедности в стране на 20% к 2020 г. и на 50% к 2030 г. [Canada's Poverty Reduction... 2019]. Реализация стратегии позволила правительству разработать законопроект, который в 2019 г. стал Законом о сокращении бедности. В рамках политики доступности и инклюзивности для людей с ограниченными возможностями разработали программы повышения доступности трудоустройства, воздушного и наземного транспорта, предоставления и получения товаров и услуг, обеспечения доступа к общественным пространствам и информации [Creating New Federal... 2017].

Так, к началу пандемии в Канаде уже существовала система социальных проектов для широких слоев населения. Как и в других (в том числе и развитых) странах, пандемия в первую очередь негативно повлияла на социальную сферу и область здравоохранения [COVID-19 in Canada... 2020]. По данным Статистической службы Канады, доля удовлетворенных жизнью граждан упала с 72% в 2018 г. до 40% в июне 2020 г. – самого низкого уровня с 2003 г. Подобное падение свидетельствует о том, что в канадском обществе проявились глубокие социальные проблемы, а граждане испытывают социальную незащищенность.

Группами населения, наиболее подверженными неблагоприятному воздействию пандемии, стали молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет (средний уровень их удовлетворенности жизнью снизился на 1,8 пункта по сравнению с 2018 г.), пожилые граждане (на 1,2 пункта), иммигранты из Азии (на 1,8 пункта), США, Европы и Океании (на 1,7 пункта) [COVID-19 in Canada... 2020]. Основной причиной для такого падения стала «невозможность выполнять свои финансовые обязательства».

Падение доходов вследствие введения ограничительных мер федеральным и провинциальными правительствами и снижение экономической активности не могло не сказаться на всем трудоспособном населении: 36% канадцев из числа коренных народов и 25% некоренного населения ощутили негативное воздействие пандемии на их способность выполнять финансовые обязательства и удовлетворять основные потребности. Многие граждане потеряли работу или столкнулись с сокращением рабочих часов. Большинство из них ощутили значительные финансовые трудности: 65% представителей коренных общин и 56% некоренных. Кроме того, пандемия имеет ряд косвенных последствий, среди которых, в соответствии с докладами Статистической службы Канады 2020 и 2021 гг., особо выделяются рост показателей избыточной смертности, сбои в оказании плановой медицинской помощи, а также ухудшение состояния социальной защищенности и психического здоровья граждан [COVID-19 in Canada... 2021].

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье как «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество» [Психическое здоровье... 2018], то есть как одну из основных детерминант стабильного развития и функционирования общества. Очевидными факторами риска становятся социально-экономическое и финансовое давление, социальная отчужденность, дискриминация и насилие. Пандемия обострила их, усилив ощущение неуверенности, страха, неопределенности, послужила триггером снижения чувства личной безопасности и стала значительным травматическим событием для канадцев.

Статистика говорит о росте тревожности не только из-за материальных затруднений. Возрос уровень беспокойства по поводу домашнего насилия, будущего детей в связи с переводом на дистанционное обучение (возможности их социализации, успеваемости), здоровья членов семьи и др. По данным за 2020 г. общая доля граждан, которые не удовлетворены своим психическим здоровьем, возросла на 13 процентных пунктов по сравнению с докризисным периодом. Ухудшение состояния зависит от пола, возраста или национальности. Так, женщины отмечали ухудшение состояния гораздо чаще мужчин. Уровень удовлетворенности своим состоянием среди молодых людей снизился с 60% в 2019 г. до 40% в июле 2020 г. Пожилые люди оказались единственной группой, не отметившей ухудшение психического здоровья.

Следует указать, что молодежь, в том числе студенты, стала одной из групп граждан, на которые пандемия подействовала негативно – как в психологическом, так и в финансовом плане. Большая часть учащихся (92%) перешла на обучение онлайн, в связи с чем усилилась обеспокоенность по поводу возможности завершить курсы: 7% студентов сообщили о том, что они не могут завершить учебную программу частично или полностью из-за отсутствия доступа к Интернету, компьютера/планшета или другого устройства, низкой скорости подключения и т.д. Финансовые опасения также оказались велики, несмотря на меры правительства по смягчению негативного воздействия пандемии и введение программы по предоставлению Экстренного пособия для студентов Канады (CESB). Так, 61% учащихся беспокоятся по поводу вынужденного расходования сбережений, а 48% – в связи с предстоящей оплатой обучения за следующий семестр. Данная динамика связана со значительным снижением уровня занятости среди молодежи. В феврале 2020 г. были трудоустроены около 58% молодых канадцев от 15 до 24 лет, тогда как к апрелю

их доля снизилась до 38%. Лишь благодаря частичному смягчению ограничений летом и поддержке бизнеса доля работающих молодых людей к августу увеличилась до 49%.

Самые высокие показатели неудовлетворенности своим психическим здоровьем в связи с COVID-19 и ограничительными мерами продемонстрировали три группы меньшинств – азиатские, афроамериканские и филиппинские. Значительная доля из них работает в сфере услуг, в том числе в области здравоохранения, из-за чего они оказались «на передовой» борьбы с пандемией: по состоянию на 2016 г. доля иммигрантов, которые трудятся медсестрами, санитарями и обслуживающими пациентов, достигала 36%.

Высокий уровень неудовлетворительного психологического состояния групп граждан из числа меньшинств главным образом связан с проблемами, характерными для многих многонациональных, полиэтнических и мультиконфессиональных государств – дискриминация, расизм и нетерпимость на религиозной почве. Для Канады подобные риски представляют собой актуальную тему для научного исследования и поиска политических решений.

Считается, что подобные проблемы не характерны для такого развитого общества, как канадское, особенно учитывая широкую систему специализированных программ и политических стратегий, основанных на принципах разнообразия, открытости и инклюзивности. Однако проблемы, связанные с расизмом и дискриминацией, все еще не решены. П. Родригес, министр канадского наследия и культурного многообразия, отметил, что «... даже в таком открытом и многообразном обществе... существуют очень реальные проблемы... Мы знаем, что на протяжении всей нашей истории и даже сегодня... есть люди и общины, которые сталкиваются с системным расизмом и дискриминацией» [Building A Foundation... 2019]. Как заметил министр, для Канады характерны повседневные проявления неприязни и ненавистнической риторики в отношении представителей коренного населения, а также других групп по расовому, религиозному, физическому признаку или признаку сексуальной ориентации (исламофобия, антисемитизм, гомофобия и др.).

Еще до пандемии канадские исследователи обращали внимание на статистические данные о том, что в обществе широко распространены случаи дискриминации, позволяющие говорить о системном характере этого явления [Godley 2018]. Становится понятно, что с началом пандемии, когда наиболее четко проявились все латентные социальные изъяны, такие явления, как дискриминация и расизм, не могли не обостриться.

По данным Статистической службы на май 2020 г., с начала пандемии «видимые меньшинства»¹ подвергались преследованиям или нападениям в три раза чаще (18%), чем до кризиса (6%). Наиболее остро дискриминация и нетерпимость проявлялась в отношении китайских, корейских и юго-восточноазиатских респондентов. О возросшем количестве случаев преследования или нападения по расовому, этническому, религиозному признаку стали говорить эксперты из различных канадских аналитических центров. Социологические исследования показывают, насколько тревожными могут оказаться подобные тенденции.

Например, опрос общественного мнения неправительственной организации «Институт Ангуса Рейда» и Университета Британской Колумбии продемонстрировал, что после начала пандемии COVID-19 почти половина граждан китайского или другого азиатского происхождения испытала на себе проявления дискриминации [Anti-Asian Discrimination... 2021]. По всей стране участились акты насилия, словесных угроз и оскорблений, унижающих достоинство граффити, а также обвинения в том, что представители данных диаспор опасны для здоровья и сохранности остального населения. Кроме того, значительно

¹ Термин, который обозначает группы лиц, «отличных от коренных народов, не являющихся европеоидами [Caucasian] по расе и белыми по цвету кожи» (ст.3 Закона о равенстве в сфере занятости). Он включает южноазиатские, западноазиатские, юго-восточноазиатские, китайские, корейские, японские, филиппинские, латиноамериканские, афроамериканские, арабские группы граждан.

снизился уровень восприятия их как граждан Канады: лишь 16% респондентов уверены, что другие принимают их в качестве канадцев при показателе в 47% в 2016 г. [Blame, Bullying... 2020]. Подобная ситуация во многом связана с отсутствием тесной коммуникации с другой частью населения. Данная особенность только усугубилась при введении антикризисных ограничений и социальной изоляции.

Коренные народы стали другой категорией, которая не относится к «видимым меньшинствам», но считается частью «специально обозначенных групп» (*designated groups*)² населения. Проблемы, характерные для меньшинств, во многом можно отнести и к коренному населению. Дискриминация, географическая удаленность поселений, отсутствие необходимой инфраструктуры в сфере здравоохранения и доступа к чистой питьевой воде с началом пандемии превратились из повседневных задач, которые должно решать правительство, в возрастающие риски для здоровья и благополучия отдельной части населения Канады.

Большая часть коренных народов проживает в отдаленных сельских районах (примерно 60% по сравнению с 33% некоренного населения). В сельских общинах экономика менее диверсифицирована, доступ к услугам – в том числе в сфере образования и здравоохранения – ограничен, а транспортные расходы зачастую слишком велики. Соответственно, разрыв в уровне благосостояния, образования и состояния здоровья коренных и некоренных групп граждан увеличивается.

Так, профильный департамент по делам коренного населения (Indigenous Services Canada – ISC) на базе индекса человеческого развития ПРООН сформировал пятилетний индекс измерения благосостояния коренных общин по сравнению с некоренными группами в Канаде [National Overview... 2019]. Результаты систематизации данных индекса показали, что доходы, образование, жилье, активность на рынке труда в целом улучшились за последние 35 лет. Однако они остаются на более низком уровне, чем у некоренного населения. По состоянию на 2016 г. средняя оценка индекса благосостояния коренных народов была на 18,9 пункта меньше, чем у некоренных групп. Наибольшая разница присутствует в показателях жилья (разница составила 27,1 пункта) и уровня доходов (21,9 пункта). Данный разрыв подтверждают исследования правозащитных организаций. Например, канадское отделение Amnesty International сообщает, что коренные общины еще до пандемии сталкивались с нищетой, плохими жилищными условиями, отсутствием продовольственной безопасности, доступа к услугам здравоохранения и чистой питьевой воде [Indigenous Peoples in Canada].

С началом пандемии COVID-19 социальные риски, в том числе связанные с доступом к услугам здравоохранения, стали ключевым фактором оценки уровня социальной защищенности граждан, включая представителей коренных народов. Тем не менее, как отмечают канадские эксперты, на протяжении многих лет область медицины в коренных общинах испытывает хроническое недофинансирование, что в совокупности с плохими условиями жизни подвергает жизнь и здоровье данной группы населения серьезной опасности [Levesque, Theriault 2020]. Так, по состоянию на конец марта 2021 г. количество случаев заражения COVID-19 среди коренного населения достигло почти 25 тысяч.

Правительство предоставило целевое финансирование на улучшение жилищных условий, обеспечение доступа к чистой воде и услугам в сфере здравоохранения только после запросов лидеров коренных общин. Одновременно доля финансирования мер противодействия распространению COVID-19 в первые месяцы пандемии составила лишь около 1% от общих федеральных расходов на эти цели [Levesque, Theriault 2020], тогда как по данным переписи 2016 г. численность коренных народов насчитывала 1 673 785 человек, или 4,9% общей численности населения Канады.

² В соответствии с Законом о равенстве в сфере занятости, к данным группам относятся коренные народы, женщины, люди с физическими или умственными недостатками.

Наряду с предоставлением федерального финансирования правительство предпринимает конкретные шаги для повышения потенциала коренных сообществ в борьбе с пандемией. Например, к концу февраля между общинами распределили 103 тыс. доз вакцин «Moderna» и «Pfizer» из 1,8 млн. Ряд федеральных ведомств – в том числе канадское Агентство общественного здравоохранения, ISC, Вооруженные силы и Королевская конная полиция – взаимодействуют с коренными сообществами, а также провинциями и территориями с целью получить достаточную информацию для оценки потребностей коренных народов и оказания своевременной поддержки. Так, Вооруженные силы Канады сотрудничали с общинами и правительствами в провинциях Манитоба, Британская Колумбия и Саскачеван для того, чтобы помочь с распределением вакцины. ISC поддерживала сообщества при проведении тестирования на COVID-19, переброске медицинских кадров (в том числе медсестер и фельдшеров) со всей Канады в общины коренных народов в провинциях Альберта, Манитоба и Онтарио, а также содействовала в переоснащении, организации и использовании общественных пространств с учетом требований безопасности в области здравоохранения (ремонтные работы, модернизация, установка мобильных конструкций и т.д.).

Многие социальные риски, с которыми столкнулась Канада с началом пандемии COVID-19, стали актуальны вследствие быстрого распространения заболевания, а также неготовности общества к новой ситуации и ограничительным мерам. Однако они имели место и раньше. Пандемия вскрыла систематические проблемы, связанные с недофинансированием и слабостью системы здравоохранения, социальной незащищенностью канадцев, неравенством, вопросами дискриминации, нетерпимости и домашнего насилия. Ранее политические элиты их либо игнорировали, либо уделяли недостаточно внимания.

Факторы влияния на развитие политики Канады в социальной сфере

Проблемы, которые проявились во время пандемии, ранее не стояли на повестке дня у политических элит. Решения зачастую принимались *ad hoc*. Власти разрабатывали экономические меры реагирования, а также внедряли программы финансовой поддержки бизнеса и отдельных групп граждан, что позволяло смягчить недостатки государственного, регионального и местного управления в краткосрочной перспективе. Однако для решения данных проблем на долгосрочную перспективу истеблишменту необходимо анализировать и переосмыслить социальную политику до пандемии, во время нее и после кризиса. Каковы бы ни были причины возникновения проблем, правительству предстоит предложить обществу эффективные средства их преодоления, а политическим оппонентам – альтернативные подходы к социально-экономической политике, структурным детерминантам социального развития канадского общества. От того, какие меры предложит политическая элита, чтобы нивелировать обострившиеся социальные риски, будет зависеть дальнейшая расстановка политических сил.

Экономическая система коррелирует с социальной, образуя в широком смысле социально-экономическую систему в качестве объекта политического планирования и стратегического развития таких элементов ее структуры, как общественное производство, образование, медицинское и социальное обеспечение, управление общественными процессами и др. Кризис продемонстрировал важность повышения эффективности структурной политики на федеральном и региональном уровнях, а также реорганизации социально-экономической структуры. Соответственно, стала очевидной необходимость организации взаимодействия ветвей власти, правительственных ведомств по проведению структурных реформ в сфере занятости, образовательной, медицинской и других областях, включающих экономические, финансовые и законодательные изменения. Таким образом, обновление социально-экономической структуры может быть систематизировано:

- по институциональному признаку, который включает в себя трансформацию внутреннего и внешнего взаимодействия институтов – органов государственной власти разного уровня между собой, а также с научными институтами и частным сектором;

- по сферам изменения структурной политики – экономические реформы, реорганизация федерального финансирования и трансфертов, совершенствование законодательства, формирование новых программ и стратегий социально-экономического развития;

- по объектам социально-экономической трансформации – защита прав трудящихся, видимых меньшинств, представителей коренных сообществ, женщин, пожилого населения, лиц с ограниченными возможностями и других групп, которые пострадали от пандемии и введенных ограничительных мер.

От того, как будет реорганизована социально-экономическая структура, будет зависеть уровень доступности ресурсов и факторов, которые составляют параметры благополучия каждого канадца даже в период чрезвычайной ситуации: материальные (жилье, доход, условия труда, особенности мест проживания и т.д.), система здравоохранения (доступность и качество предоставления услуг), социальные, которые влияют на психоэмоциональное состояние (наличие/отсутствие социальных контактов, стресс, личностные отношения) и др.

Политический аспект исследования социальных рисков в Канаде фокусируется вокруг нескольких основных моментов. Во-первых, к ним относится оценка социальной политики государства еще до начала пандемии, ее динамика и направление. Во-вторых – эффективность и своевременность принятия решений на федеральном и региональном уровнях, в том числе адекватность ограничительных мер и программ поддержки отдельных групп населения, которые оказывают непосредственное влияние на чувство благополучия и удовлетворенности канадцев. В-третьих – тенденции в сфере принятия политических решений по направлениям, связанным с социальной сферой (прежде всего в здравоохранении, образовании, сфере труда и занятости, защиты наиболее социально уязвимых слоев канадского населения), а также возможные трансформационные процессы вследствие COVID-19. Таким образом, можно определить ряд долгосрочных факторов, которые влияют на эффективность стратегии борьбы с пандемией и могут воздействовать на политические процессы в Канаде в посткризисный период.

Первый фактор – исторически сложившаяся система социальной безопасности, которая склонна трансформироваться и адаптироваться к изменяющимся условиям социальной сферы. Система социального обеспечения населения, которую многие исследователи называют системой социальной безопасности, включает в себя комплекс финансируемых социальных программ помощи всем слоям общества – в том числе наиболее незащищенным группам – при сравнительно низком уровне бюджетных трат на вооруженные силы или государственный бюрократический аппарат. Комплексная политика канадского государства в социальной сфере поступательно развивалась с середины 1960-х гг. К тому времени уже были сформированы следующие ее направления:

- создание правовой базы. Были приняты Закон о страховании занятости (1935 г.), О страховании по безработице (1940 г.), Закон о пособиях семьям (1944 г.), Об обеспечении старости (1951 г.), Пенсионные планы Канады и Квебека (1965 г.), Закон о медицинской помощи (1966 г.) и другие законодательные акты.

- выделение вопросов гендерного равенства и поддержки женщин в отдельное направление канадской социальной политики. В 1967 г. правительство создало Королевскую комиссию по положению женщин, затем на государственном уровне был установлен отпуск по беременности и родам. Политика канадского правительства по обеспечению гендерного равенства включила сферу занятости, справедливой оплаты труда и пенсионного обеспечения. С 2018 г. существует должность министра по делам женщин и гендерному равенству.

– постепенное смещение ответственности за социальные расходы с федерального уровня ниже – на уровень провинций и муниципалитетов, а также передача обязанностей по предоставлению некоторых услуг (например, по уходу на дому) негосударственным институтам.

Очевидно, что тяжелая экономическая ситуация, недостаточная социальная защита, высокий уровень безработицы и бедности в стране значительно влияют на развитие межличностных отношений и контактов, на доступность жизненно важных социальных институтов (трудовой сферы, образования, здравоохранения и др.), на социальное равенство. Такие категории, как социальная солидарность, социальная справедливость и равенство переходят из теоретической плоскости в область конкретных политических решений, которые напрямую затрагивают социально-экономическую сферу. Данные категории обрели особую актуальность в период пандемии. Всесторонний подход Канады к выстраиванию комплексной стратегии в социальной сфере в целом стал прочной основой, которая позволила эффективно отвечать на социальные вызовы в кризисной ситуации.

С началом пандемии федеральному и провинциальным правительствам пришлось расширять программы социальной помощи и снижать критерии ее предоставления, особенно для тех групп населения, которые оказались наиболее уязвимы вследствие разных причин – от недостаточной финансовой обеспеченности до плохих условий жизни и хронических заболеваний. Система социальной помощи отдельным гражданам и их семьям в период пандемии включила пособие на ребенка, налоговые кредиты на товары и услуги, единовременные платежи малообеспеченным людям пожилого возраста, а также финансовую помощь на уровне провинций. Власти расширили программы помощи коренным общинам, женщинам, детям и молодым людям, бездомным, и т.д. Например, правительства ряда провинций организовали переселение бездомных из специализированных приютов и создание новых мест проживания с целью снизить риск передачи коронавирусной инфекции и заболеваемость среди данной группы населения.

Наработанная за десятилетия система социальной поддержки, научно обоснованный подход, межпартийный консенсус в парламенте и отсутствие межрегиональной напряженности в связи с COVID-19 позволили правительству на федеральном уровне предпринять немедленные меры реагирования, в течение нескольких дней ввести ограничительные механизмы для сдерживания распространения пандемии в стране, разработать и начать внедрять федеральный План экономического реагирования на COVID-19 (COVID-19 Economic Response Plan), а властям провинций и ряда муниципалитетов – ввести региональные рестрикционные меры и программы поддержки граждан и бизнес-сообщества на местах. Вместе с тем пандемия показала определенную ограниченность существующих социальных программ в ситуациях глобальных кризисов. Вероятно, пандемия станет определенным побудительным мотивом для развития и обновления социальной системы Канады, чтобы повысить ее устойчивость и способность эффективно действовать в условиях чрезвычайных ситуаций.

Второй фактор – наличие нетерпимости и социальной эксклюзии, который проявился в период пандемии. Несмотря на устойчивое развитие политики государства в социальной сфере и отсутствие социальной напряженности (или ее латентный характер) в канадском обществе, с началом пандемии обострились проблемы неравенства, расовой нетерпимости и дискриминации, о чем говорилось выше. Наиболее уязвимыми стали не только пожилые люди, на чью долю пришлось наибольшее количество смертей от COVID-19 или сопутствующих осложнений, но и группы меньшинств и иммигранты [Choi, Zajacova, Haan, Denise 2020]. Связанные с ростом нетерпимости тенденции свидетельствуют о том, что политический имидж Канады как страны, доброжелательной к иммигрантам и отстаивающей принципы мультикультурализма и разнообразия национальной идентичности, может быть подвергнут сомнению, а усилия властей по интеграции меньшинств (в том

числе программы ориентации, обучения, повышения квалификации и социальные услуги) недостаточны.

Иммигранты составляют значительную часть населения Канады – около одной пятой. Данный показатель – один из самых высоких среди развитых стран. Иммигранты вносят существенный вклад в демографическое развитие страны, затормаживают процесс старения населения, а также способствуют развитию экономики и инновационных технологий [Pison 2019], поэтому канадские власти заинтересованы в развитии политики включенности новых членов канадского общества.

Вместе с тем следует отметить, что на протяжении многих лет канадцы положительно относились к иммиграции и иммиграционной системе в целом, и до пандемии лишь треть населения хотела бы снизить ее уровень [Canadians Continue... 2019]. Однако с началом кризиса обнаружилась неустойчивость общественной поддержки и лояльности к иммигрантам. Оказалось, что система их интеграции слаба и существующие механизмы в рамках канадской нормативно-правовой системы на федеральном (Закон о канадском мультикультурализме 1988 г.) и региональном (Закон о правах человека Альберты 2009 г., Заявления о политике в данной области провинций Нью-Брансуик и Острова Принца Эдуарда) уровнях необходимо дополнить и обновить.

Третий фактор – отсутствие системы базового дохода и необходимость введения краткосрочных чрезвычайных программ для повышения социальной защиты населения в период пандемии. Правительственные решения ввести изоляцию и социальное дистанцирование привели к росту доли работающих удаленно либо уволенных, а также к сокращению доли малого и среднего бизнеса по всей стране. Так, за период с февраля по июнь 2020 г. реальный ВВП упал на 14,7% [Statistics Canada 2020], а безработица достигла уровня 12,3% [OECD. Unemployment Rate (Indicator) 2020]. Под значительным давлением оказались секторы услуг в сфере питания, образования, торговли и транспорта. Серьезные проблемы проявились в системе социальной защиты граждан, в том числе в сфере страхования занятости, которая не смогла помочь миллионам канадцев, оставшимся без дохода из-за ограничительных мер.

Уже 25 марта 2020 г. было введено пособие по реагированию на чрезвычайные ситуации (Canada Emergency Response Benefit – CERB) как адресная поддержка физическим лицам, которые потеряли работу или чьи рабочие часы сократились из-за пандемии и ограничительных мер. И без того масштабную программу расширили, включив в нее также работающих по контракту, частично занятых и сезонных рабочих. К концу августа правительство потратило около 72,5 млрд долл., что существенно превысило прогнозируемые расходы [Canada Emergency Response...]. Программу, которая охватила более 7 млн канадцев, с одной стороны, эксперты охарактеризовали как «бюрократическое чудо» [Taylor-Vaisey 2020], с другой – она стала поводом для возобновления дискуссии о реформировании системы страхования занятости и сферы социальной помощи в целом. В результате все больше экспертов и политических деятелей стали высказываться в пользу трансформации временной программы CERB в постоянный гарантированный базовый доход.

Защита занятости относится к компетенциям федерального и провинциальных правительств. Регионы в рамках своих полномочий законодательно закрепляют вопросы регулирования рынка труда на своей территории. Правительство Канады может регулировать сферу занятости только в своих областях юрисдикции. Так, в связи с пандемией власти ряда провинций смягчили нормы в области защиты занятости, и предприятия смогли увольнять незадействованных работников. Чтобы предотвратить массовые увольнения, правительство начало поощрять работодателей сохранять рабочие места и выплачивать заработную плату посредством предоставления крупных субсидий. Таким образом, помимо федеральной централизованной программы страхования занятости, которая временно обеспечивает поддержку безработных (в том числе тех, кто ищет работу или повышает

квалификацию) и граждан, попавших в определенные жизненные ситуации (например, находящихся в отпуске по болезни или по уходу за ребенком), были введены в действие еще несколько механизмов защиты занятости: работодателям, доходы которых падают в связи с пандемией, была предоставлена федеральная чрезвычайная субсидия на покрытие части заработной платы своих сотрудников, а также введены временные программы поддержки на уровне провинций.

Вопрос установления стабильного дохода много лет обсуждают как экспертные центры [Boadway, Kuff, Koebel 2018], так и политические круги Канады. На уровне муниципалитетов идет широкая дискуссия и принимаются разного рода резолюции, которые призывают муниципалитеты по всей стране повлиять на провинциальные и федеральные власти с целью создать систему базового дохода [Segal 2016]. С началом пандемии обсуждение данного вопроса лишь активизировалось [Wright 2020], и федеральное правительство будет вынуждено включить эту проблему в повестку дня в период посткризисного восстановления.

Четвертый фактор связан со сферой здравоохранения, которая ощутила на себе основное давление в связи с пандемией. Власти сделали основной упор на поддержку больниц и врачей. Однако скоро стало очевидно, что система долговременного ухода наиболее уязвима в данной сфере. Такого рода учреждения не включены в систему общественного здравоохранения как области политического регулирования правительства, хотя именно на них (государственные и частные) в течение первых месяцев пандемии пришлось более 80% всех смертей в Канаде, а по состоянию на начало марта 2021 г. – более 50% [Clarke 2021]. Таким образом, на долю этих учреждений приходится наибольшее количество случаев заражения и смертности.

В некоторых провинциях ситуация вокруг учреждений долговременного ухода стала настолько тревожной, что потребовалось вмешательство Канадских вооруженных сил. В мае 2020 г. ведомство опубликовало отчет, который вскрыл множество недостатков в Онтарио, в частности необученный медицинский и немедицинский персонал, плохие и часто антисанитарные условия ухода за больными, несоответствующее использование или отсутствие средств индивидуальной защиты, что способствовало быстрому распространению COVID-19 [OP LASER – JTFC... 2020].

Столь серьезный пробел в системе здравоохранения, который проявился в период пандемии, продемонстрировал переход региональной (провинциальной и муниципальной) проблемы на федеральный уровень и необходимость реформ. Стал очевиден и тот факт, что участие федеральной власти – по крайней мере в кризисной ситуации – может стать важнейшим элементом при обеспечении безопасности в сфере здравоохранения. Такая же необходимость проявилась в системе долговременного ухода, которая не регулируется Законом о здравоохранении Канады, а подпадает под категорию «расширенные медицинские услуги». Канадские эксперты заговорили о необходимости формирования общеканадского «зонтика» общественного здравоохранения, то есть внесения поправок в Закон для регулирования деятельности учреждений долговременного ухода на федеральном уровне, а также усиления роли федерального центра в данной сфере [Beland, Marier 2020] – например, с помощью разработки определенных стандартов для получения федеральных трансфертов.

Пятый фактор лежит в плоскости межправительственных отношений и системы разделения полномочий. Федерально-провинциальное разделение властей в сфере общественного здравоохранения стало важным предметом дискуссии в канадском экспертном сообществе. Система общественного здравоохранения подпадает под юрисдикцию провинций, и возможности для влияния и оказания федеральной финансовой поддержки сильно ограничены. В соответствии с Конституционными актами 1867–1982 гг., п. 11 раздел 91, к федеральной сфере ответственности в области здравоохранения

относятся карантин, формирование и обслуживание морских госпиталей. Создание, обслуживание и управление всеми остальными больницами, кроме морских, находятся в сфере юрисдикции провинций (п. 7 раздел 92). Таким образом, провинции сами ведут законотворческую деятельность в данной сфере и организуют работу учреждений общественного здравоохранения. К их исключительной ответственности относятся предоставление большинства медицинских услуг, подготовка специалистов и т.д. В период пандемии провинциальные и муниципальные власти принимали решения о введении рестрикционных мер (приостановка работы государственных учреждений и предприятий, перевод школ на дистанционное обучение, ограничение доступа к общественным пространствам) именно с учетом рекомендаций региональных и местных медицинских институтов и экспертов.

Вместе с тем, к федеральной ответственности относятся вопросы национального,跨省, внепровинциального и международного значения. Пандемия COVID-19 относится именно к такого рода вопросам, поскольку она носит глобальный характер и затрагивает межпровинциальный аспект сферы канадского здравоохранения, который регулируют федеральные власти. Так проявилось противоречие, которое затрагивает одну из основных проблем политического процесса в Канаде – вопрос федерально-провинциально-территориального разграничения ответственности и полномочий, который предстоит решать федеральным и региональным властям совместно.

Пандемия также подпадает под п. 5 части I Закона о чрезвычайных ситуациях 1985 г., который относит ситуацию, вызванную болезнью человека, животных или растений, к чрезвычайным ситуациям в сфере общественного благосостояния. Закон наделяет генерал-губернатора полномочиями издавать приказы и постановления общеканадского значения в сфере общественного здравоохранения. Ряд канадских экспертов справедливо полагают, что подобная норма способна предоставить федеральному правительству возможности изменить существующую законодательную базу или инициировать принятие новых нормативно-правовых актов для того, чтобы подготовиться к будущим пандемиям и избежать правовых коллизий, которые могут стать поводом для межправительственной напряженности.

К сфере разделения полномочий можно отнести и особенность взаимодействия правительств с сообществами коренных народов, которая проявилась в период пандемии. В частности, общины сами распределяют средства федерального финансирования на конкретные целевые расходы между собой в зависимости от актуальных потребностей. Подобный временный отказ от финансового патернализма со стороны правительства может послужить прецедентом и стать нормой в дальнейших отношениях Канады с коренными народами. Также характерным признаком того, что в будущем коренные сообщества могут получить большую независимость от федерального центра говорит и тот факт, что многие общины принимали решения и издавали свои собственные приказы в сфере общественного здравоохранения, предпринимали рестрикционные меры – в том числе ограничения на въезд и перемещение по своей территории – и объявляли чрезвычайное положение. Подобные действия сообществ коренных народов по всей стране можно оценивать как отстаивание своих прав и стремление получить больше полномочий. Для Канады, с одной стороны, данная трансформация может стать существенным политическим риском, с другой – значительно повысить уровень здравоохранения коренных общин, а в дальнейшем их жизни и благосостояния.

Шестой фактор – политика развития инновационной экономики и экономики знаний, обеспечение доступа к информации, технологиям и квалификации, в том числе в процессе принятия политических решений. Пандемия продемонстрировала, что сектор научных знаний может помогать правительственным институтам при формировании политики и разработке программ реагирования в чрезвычайных условиях, а также в период восста-

новления в посткризисный период. Одним из ключевых направлений стратегии реагирования Канады на пандемию COVID-19 стало финансирование научных знаний.

На проведение эффективной политики по реагированию значительно повлияла высокая степень взаимодействия между кабинетом министров и департаментами, а также участие частного сектора. В разработке научно-исследовательских и технологических решений участвовал канадский частный сектор в сфере НИОКР. Так, в ответ на предоставление в начале 2020 г. федеральным агентством «Канадские институты медицинских исследований» гранта «Быстрого финансирования исследований COVID-19» множество исследовательских центров, университетов, институтов и компаний обратилось к правительству с предложениями по разработке программ по борьбе с пандемией. На исследования было выделено около 111,1 млн долл. Они затрагивают широкий круг вопросов, которые включены в повестку дня канадского правительства и будут определять процесс принятия политических решений в посткризисный период [Government of Canada... 2020]. Можно выделить несколько направлений исследований, которые канадское правительство будет изучать и анализировать в рамках формирования политической стратегии во время и после пандемии:

1. Сфера медицины и здравоохранения. Большую часть финансирования привлекли исследования клинических проблем в области лечения заразившихся пациентов (около 11,5 млн долл.) и вопросов диагностики, а также междисциплинарные исследования с участием канадских и зарубежных вирусологов, химиков, инфекционистов, ученых в сфере общественного здравоохранения (почти 19,5 млн долл.).

Другим направлением в данной сфере стали исследования проблем распространения заболевания. В том числе они затрагивают темы краткосрочного прогнозирования возможных эпидемий и моделирования, которые смогут применять канадские учреждения здравоохранения (выделено более 6 млн долл.).

2. Сфера национального (федерального/регионального/местного) и глобального управления. Значительные средства были направлены на исследования повышения эффективности координации, управления и логистики на национальном и глобальном уровне (более 5,5 млн долл.), в том числе на проведение проблемно-ситуационного анализа принятых ограничительных мер, их положительных и отрицательных последствий для разработки эффективной стратегии борьбы с COVID-19 и другими возможными пандемиями, на исследования в сфере медицинского и социального воздействия пандемии. Все они могут лечь в основу эффективной стратегии для нивелирования социальных рисков и борьбы с дезинформацией и дискриминацией.

В рамках данного гранта проанализируют риски в сфере международных поездок и трансграничной торговли, а также государственную политику в данной области, чтобы выявить ее слабые места, что позволит разрабатывать эффективные меры в сфере логистики (определение логистических потребностей городов и обществ с точки зрения культурного, национального, возрастного разнообразия, контроль бесперебойного функционирования логистических услуг для уязвимых групп и регионов и др.).

3. Сфера социальных отношений, которая стала одним из ключевых направлений для пересмотра правительственной политики. Исследования, которые сформируют основу для государственной стратегии по противодействию дезинформации о вирусе, стигматизации и страху, по повышению общественного доверия (выделено более 9,3 млн долл.) включают несколько направлений:

– дискриминация и ксенофобия (ассоциативное восприятие канадцами своих сограждан китайского и восточноазиатского происхождения). В соответствии с одной из версий генезиса нового вируса, он возник в Китае. В связи с данной информацией в обществе возникли ложные опасения и страхи на национальной почве. Основная цель данных исследований – изучить индивидуальные, социокультурные и поведенческие факторы,

которые влияют на реакцию общества, а также не допустить социальную стигматизацию в канадском обществе. Психологические и поведенческие факторы эпидемий и пандемий важно изучать не только при разработке мер реагирования и сдерживания распространения заболевания. Они также становятся первопричиной дискриминации, ксенофобии, расизма, повышенной тревожности, страха и т.д., которые лишь усиливаются в кризисные моменты и чрезвычайные ситуации;

- исследование корреляционной зависимости между вспышкой и распространением COVID-19, мерами реагирования и доверием граждан к канадскому правительству, а также корреляции между социальным доверием и доверием аутгруппе (например, между группами разной национальной или религиозной идентичности);

- изучение и анализ в режиме реального времени культурных, социальных и политических реакций широкой общественности и отдельных целевых групп на правительственные ответные меры. В первую очередь оценивается эффективность использования институтами общественного здравоохранения различных инструментов информирования и предупреждения граждан о вспышках пандемии, рисках заражения и распространения заболевания, а также о новой вакцине (например, через СМИ или социальные сети);

- разработка и внедрение инструментов повышения информированности канадской общественности о COVID-19 (специальные образовательные программы и мероприятия, предоставление рекомендаций и необходимых просветительских ресурсов некоммерческим организациям и различным общественным группам). Данные инструменты позволят гражданам дифференцировать достоверную и недостоверную информацию о вирусе, а также снизить общий уровень дезинформации в обществе;

- повышение надежности канадской системы общественного здравоохранения и доверия к ней посредством разработки руководящих принципов реагирования на чрезвычайные ситуации через социальные сети (главным образом, Twitter и Facebook). В рамках данного исследования поставлена задача проанализировать и оценить взаимодействие Агентства общественного здравоохранения Канады и руководителей органов здравоохранения провинций с канадским обществом через соцсети до и во время пандемии.

Заключение

В основе социального неравенства в любом его виде лежат экономические причины, решение которых полностью зависит от политической воли элит. Универсальная система социальной политики Канады, которая охватывает разные слои общества на федеральном и провинциальном уровнях, позволила властям страны оперативно реагировать на вызовы пандемии. Чрезвычайные обстоятельства поставили перед правительствами необходимость разрабатывать и вводить дополнительные механизмы поддержки граждан и их семей на базе уже функционирующих программ – например, централизованной системы предоставления пособий по страхованию занятости или пособий по уходу за ребенком.

На сегодняшний день реакция правительств носит временный характер. Вместе с тем, если экономический спад продолжится, канадскому правительству придется обновить свою социальную политику, например, рассмотреть вопрос о введении базового гарантированного дохода. Трансформация системы социального обеспечения в период пандемии может привести к изменению политики в социальной сфере и к деволюционным преобразованиям, которые лежат в основе развития канадского федерализма.

Кризис – всегда возможность для эволюции, изменений, реформ. Социальные риски в связи с пандемией COVID-19 поставили перед политическими кругами Канады вопросы, которые ранее не были ключевыми в повестке дня. С большой вероятностью можно

предположить, что руководство страны пересмотрит систему организации рабочего времени. Представители частного сектора и эксперты высказываются в пользу удаленной работы или смешанной системы («blended system»), когда возможно сочетать работу из дома и офиса. Они уже доказали свою эффективность в некоторых отраслях системы. Необходимо также продолжить внедрять цифровые технологии в сфере предоставления государственных услуг и на различных производствах. При введении ограничительных мер, в том числе санитарно-эпидемиологических, стала очевидной высокая значимость использования новых технологий.

Пока пандемия не завершится, ситуация в сфере канадского общественного здравоохранения и социальной политики продолжит меняться. Однако остается неясным, насколько долговременным будет эффект от политики правительства на федеральном, региональном или местном уровне, станет ли пандемия побудительным мотивом изменения канадской системы социальной безопасности, а также смогут ли Либеральная и оппозиционные партии воспользоваться возможностями, которые открыла для них пандемия, и продемонстрировать обществу свою восприимчивость к его нуждам и потребностям, способность управлять социально-экономическими процессами, формулировать правила и нормы общественного развития.

Пандемия и подобного рода кризисные ситуации еще долго будут привлекать внимание исследователей по всему миру. Поиск ответов на политические и экономические вызовы не утратит свою актуальность и будет одной из главных тем для тематического и ситуационного анализа в научном и экспертном сообществах, а также в политических кругах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комплексное реагирование системы Организации Объединенных Наций на COVID-19: спасение людей, защита общества, более эффективное восстановление (2020). Официальный сайт Организации Объединенных Наций (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf).

Психическое здоровье (2018). Официальный сайт ВОЗ (<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>).

Anti-Asian Discrimination: Younger Canadians Most Likely to be Hardest Hit by Experiences with Racism, Hate (2021). Angus Reid Institute (<https://angusreid.org/anti-asian-discrimination/>).

Beland D., Marier P. (2020) COVID-19 and the Reform of Long-Term Care Policy for Older People in Canada // Journal of Aging & Social Policy. № 32 (4–5), P. 358–364 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08959420.2020.1764319>).

Blame, Bullying and Disrespect: Chinese Canadians Reveal their Experiences with Racism during COVID-19 (2020). Angus Reid Institute (https://socialwork.ucalgary.ca/sites/default/files/2020-11/Discrimination_Against_Chinese_Canadians-by-Angus-Reid-Poll-2020.06.22.pdf).

Boadway R., Kuff K., Koebel K. (2018) Implementing a Basic Income Guarantee in Canada: Prospects and Problems. Memorial University of Newfoundland (<https://www.mun.ca/econ/more/events/boadway-care-memorial.pdf>).

Building A Foundation For Change: Canada's Anti-Racism Strategy 2019-2022. Canadian Heritage (<https://www.canada.ca/content/dam/pch/documents/campaigns/anti-racism-engagement/ARS-Report-EN-2019-2022.pdf>).

Canada Emergency Response Benefit and EI Statistics. Government of Canada (<https://www.canada.ca/en/services/benefits/ei/claims-report.html>).

Canada's Poverty Reduction Strategy – An Update (2019). Employment and Social Development Canada (<http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=69053&did=5628>).

Canadians Continue to Support Immigration, despite Concerns it Would be Election Issue, New Poll Says (2019) // The Globe and Mail. November 5, 2019 (<https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/>).

- Choi K., Zajacova A., Haan M., Denice P. Data Linking Race and Health Predicts New COVID-19 Hotspots (2020) // The Conversation (<https://theconversation.com/data-linking-race-and-health-predicts-new-COVID-19-hotspots-138579>).
- Clarke J. (2021) Impacts of the COVID-19 Pandemic in Nursing and Residential Care Facilities in Canada. Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2021001/article/00025-eng.htm>).
- COVID-19 in Canada: A One-year Update on Social and Economic Impacts (2021). Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/11-631-x/11-631-x2021001-eng.pdf>).
- COVID-19 in Canada: A Six-month Update on Social and Economic Impacts (2020). Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/11-631-x2020003-eng.htm>).
- Creating New Federal Accessibility Legislation: What We Learned (2017). Employment and Social Development Canada (<http://www12.esdc.gc.ca/sgpe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&cur-jsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=58819&did=5091>).
- Godley J. (2018) Everyday Discrimination in Canada: Prevalence and Patterns // The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens De Sociologie. Vol. 43, No. 2, P. 111–142 (www.jstor.org/stable/26633527).
- Government of Canada Funds 49 Additional COVID-19 Research Projects – Details of the Funded Projects (2020). Government of Canada (<https://www.canada.ca/en/institutes-health-research/news/2020/03/government-of-canada-funds-49-additional-covid-19-research-projects-details-of-the-funded-projects.html>).
- Indigenous Peoples in Canada. Amnesty International (Canada). (<https://www.amnesty.ca/our-work/issues/indigenous-peoples/indigenous-peoples-in-canada>).
- Levesque A., Theriault S. (2020) Chapter D-6: Systemic Discrimination in Government Services and Programs and Its Impact on First Nations Peoples During the COVID-19 Pandemic. Vulnerable. Ottawa: University of Ottawa Press. P. 381–392.
- Levesque A., Theriault S. (2020) Indigenous Communities at Increased Risk during the Coronavirus Pandemic // The Conversation (<https://theconversation.com/indigenous-communities-at-increased-risk-during-the-coronavirus-pandemic-142027>).
- National Overview of the Community Well-Being Index, 1981 to 2016 (2019). Government of Canada (https://www.sac-isc.gc.ca/DAM/DAM-ISC-SAC/DAM-STSCRD/STAGING/texte-text/nat-over-view-community-well-being-index-1981-2016_1578933849349_eng.pdf).
- OP LASER – JTFC Observations in Long Term Care Facilities in Ontario (2020). Joint Task Force (Central). 4th Canadian Division. Headquarters (http://www.documentcloud.org/documents/6928480-OP-LASER-JTFC-Observations-in-LTCF-in-On.html?_ga=2.162779068.1849292644.1608630269-315617870.1608630269).
- Pison G. (2019) The Number and Proportion of Immigrants in the Population: International Comparisons // Population & Societies. Number 563. February 2019 (https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/28889/563.international.comparison.immigrants.2019.en.pdf).
- Segal H.D (2016) Finding a Better Way: A Basic Income Pilot Project for Ontario. Discussion Paper. Government of Ontario (<https://www.ontario.ca/page/finding-better-way-basic-income-pilot-project-ontario>).
- Statistics Canada (2020) Gross Domestic Product (GDP) at Basic Prices, by Industry, Monthly (x 1,000,000). (<https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043401>).
- Taylor-Vaisey N. (2020) Pulling off a Bureaucratic Miracle: How the CERB Got Done. Maclean's. May 4, 2020 (<https://www.macleans.ca/politics/ottawa/pulling-off-a-bureaucratic-miracle-how-the-cerb-got-done/>).
- Unemployment rate (indicator) (2020). Organisation for Economic Co-operation and Development (<https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm>).
- Wright A. (2020) A Bold Conservative Platform Would Include Universal Basic Income. Policy Options. September 2020 (<https://policyoptions.irpp.org/magazines/september-2020/a-bold-conservative-platform-would-include-universal-basic-income/>).

REFERENCES

- Anti-Asian Discrimination: Younger Canadians Most Likely to be Hardest Hit by Experiences with Racism, Hate (2021). Angus Reid Institute (<https://angusreid.org/anti-asian-discrimination/>).
- Beland D., Marier P. (2020) COVID-19 and the Reform of Long-Term Care Policy for Older People in Canada. *Journal of Aging & Social Policy*. no. 32 (4–5), pp. 358–364 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08959420.2020.1764319>).

Blame, Bullying and Disrespect: Chinese Canadians Reveal their Experiences with Racism during COVID-19 (2020). Angus Reid Institute (https://socialwork.ucalgary.ca/sites/default/files/2020-11/Discrimination_Against_Chinese_Canadians-by-Angus-Reid-Poll-2020.06.22.pdf).

Boadway R., Kuff K., Koebel K. (2018) *Implementing a Basic Income Guarantee in Canada: Prospects and Problems*. Memorial University of Newfoundland (<https://www.mun.ca/econ/more/events/boadway-care-memorial.pdf>).

Building A Foundation For Change: Canada's Anti-Racism Strategy 2019-2022. Canadian Heritage (<https://www.canada.ca/content/dam/pch/documents/campaigns/anti-racism-engagement/ARS-Report-EN-2019-2022.pdf>).

Canada Emergency Response Benefit and EI Statistics. Government of Canada (<https://www.canada.ca/en/services/benefits/ei/claims-report.html>).

Canada's Poverty Reduction Strategy – An Update (2019). Employment and Social Development Canada (<http://www12.esdc.gc.ca/sgepe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=69053&did=5628>).

Canadians Continue to Support Immigration, Despite Concerns it Would be Election Issue, New Poll Says (2019). *The Globe and Mail*. November 5, 2019 (<https://www.theglobeandmail.com/politics/article-canadians-continue-to-support-immigration-despite-concerns-it-would/>).

Choi K., Zajacova A., Haan M., Denice P. Data Linking Race and Health Predicts New COVID-19 Hotspots (2020). *The Conversation* (<https://theconversation.com/data-linking-race-and-health-predicts-new-COVID-19-hotspots-138579>).

Clarke J. (2021) *Impacts of the COVID-19 Pandemic in Nursing and Residential Care Facilities in Canada*. Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2021001/article/00025-eng.htm>).

COVID-19 in Canada: A One-year Update on Social and Economic Impacts (2021). Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/pub/11-631-x/11-631-x2021001-eng.pdf>).

COVID-19 in Canada: A Six-month Update on Social and Economic Impacts (2020). Statistics Canada (<https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/11-631-x2020003-eng.htm>).

Creating New Federal Accessibility Legislation: What We Learned (2017). Employment and Social Development Canada (<http://www12.esdc.gc.ca/sgepe-pmps/servlet/sgpp-pmps-pub?lang=eng&curjsp=p.5bd.2t.1.3ls@-eng.jsp&curactn=dwnld&pid=58819&did=5091>).

Godley J. (2018) Everyday Discrimination in Canada: Prevalence and Patterns. *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens De Sociologie*. vol. 43, no. 2, pp. 111–142 (www.jstor.org/stable/26633527).

Government of Canada Funds 49 Additional COVID-19 Research Projects – Details of the Funded Projects (2020). Government of Canada (<https://www.canada.ca/en/institutes-health-research/news/2020/03/government-of-canada-funds-49-additional-covid-19-research-projects-details-of-the-funded-projects.html>).

Indigenous Peoples in Canada. Amnesty International (Canada). (<https://www.amnesty.ca/our-work/issues/indigenous-peoples/indigenous-peoples-in-canada>).

Kompleksnoe reagirovanie sistemy Organizacii Ob"edinennyh Nacij na COVID-19: spasenie lyudej, zashchita obshchestva, bolee effektivnoe vosstanovlenie [United Nations Systematic Comprehensive Response to COVID-19: Saving People, Protecting Communities, More Effective Recovery] (2020). UN Official Site (https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_comprehensive_response_to_covid19_russian.pdf).

Levesque A., Theriault S. (2020) *Chapter D-6: Systemic Discrimination in Government Services and Programs and Its Impact on First Nations Peoples During the COVID-19 Pandemic. Vulnerable*. Ottawa: University of Ottawa Press. pp. 381–392.

Levesque A., Theriault S. (2020) Indigenous Communities at Increased Risk during the Coronavirus Pandemic. *The Conversation* (<https://theconversation.com/indigenous-communities-at-increased-risk-during-the-coronavirus-pandemic-142027>).

National Overview of the Community Well-Being Index, 1981 to 2016 (2019). Government of Canada (https://www.sac-isc.gc.ca/DAM/DAM-ISC-SAC/DAM-STSCRD/STAGING/texte-text/nat-overview-community-well-being-index-1981-2016_1578933849349_eng.pdf).

OP LASER – JTFC Observations in Long Term Care Facilities in Ontario (2020). Joint Task Force (Central). 4th Canadian Division. Headquarters (http://www.documentcloud.org/documents/6928480-OP-LASER-JTFC-Observations-in-LTCF-in-On.html?_ga=2.162779068.1849292644.1608630269-315617870.1608630269).

Pison G. (2019) The Number and Proportion of Immigrants in the Population: International Comparisons. *Population & Societies*. Number 563. February 2019 (https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/28889/563.international.comparison.immigrants.2019.en.pdf).

Psihicheskoe zdorov'e [Psychological Health] (2018). WHO Official Site. (<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>)

Segal H.D. (2016) *Finding a Better Way: A Basic Income Pilot Project for Ontario*. Discussion Paper. Government of Ontario (<https://www.ontario.ca/page/finding-better-way-basic-income-pilot-project-ontario>).

Statistics Canada (2020) Gross Domestic Product (GDP) at Basic Prices, by Industry, Monthly (x 1,000,000). (<https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043401>).

Taylor-Vaisey N. (2020) *Pulling off a Bureaucratic Miracle: How the CERB Got Done*. Maclean's. May 4, 2020 (<https://www.macleans.ca/politics/ottawa/pulling-off-a-bureaucratic-miracle-how-the-cerb-got-done/>).

Unemployment Rate (indicator) (2020). Organisation for Economic Co-operation and Development (<https://data.oecd.org/unemp/unemployment-rate.htm>).

Wright A. (2020) A Bold Conservative Platform Would Include Universal Basic Income. *Policy Options*. September 2020 (<https://policyoptions.irpp.org/magazines/september-2020/a-bold-conservative-platform-would-include-universal-basic-income/>).

Информация об авторе

Солянова Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: solyanova.maria@gmail.com

About the author

Maria V. Solyanova, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: solyanova.maria@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.10.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 29.11.2021